

Перенос-перевод-локализация европейских научных знаний в учебниках Копиевского

Юрий Зарецкий

Abstract: *The Transfer-Translation-Localization of European Scientific Knowledge in Kopievsky's Textbooks.* The article examines the methods of introducing European scientific knowledge into the Russian language used by Ilya Fedorovich Kopievsky (ca. 1651–1714) in his textbooks, compiled and published in Amsterdam by decree of Peter the Great. Particular attention is paid to the strategies and techniques used by Kopievsky when transferring this knowledge into a different linguistic and cultural environment. To denote these strategies and techniques, along with the concepts of “translation” and “compilation,” the article uses the notion of “localization.” In the opinion of its author, this notion more accurately reflects both the essence of Kopievsky’s efforts and the process of transferring European knowledge to Petrine Russia as a whole.

Keywords: European science, Russian language, Ilya Kopievsky, translation, localization of knowledge

1. Введение

1.1 Перенос

Хорошо известно, что задача распространения европейских научных знаний была важной частью петровского проекта модернизации России. В этой связи историки часто упоминают план Готфрида Лейбница (Gottfried Wilhelm Leibniz, 1646–1716), проявлявшего особый интерес к России и высоко ценившего достоинства молодого царя. Первый набросок этого плана был изложен немецким ученым на французском языке в записке 1697 года. Представляя его суть, он использовал понятие «пересадки» (“transplanter”) научного знания на новую почву наподобие пересадки растений (Лейбниц 1873, 15). В *Записке* 1708 года на ту же тему, составленной теперь на немецком языке, Лейбниц предлагал Петру более развернутый вариант этого плана. Речь здесь шла о «введении» (Einführung) «наук и художеств» в России, состоящем из двух этапов: «переноса» (Beibringung) и последующего «воздвигания» (Fortpflanzung) (Лейбниц 1873, 95–9; Герье 2008, 648–50). На первом, считал Лейбниц, главную роль должны играть люди, которые хорошо разбираются в науках, и научные книги. О последних он говорит особенно подробно. Эти книги должны составить библиотеку, включающую издания по всем важнейшим областям научных знаний: от математики до истории. Что касается

Jurij Zareckij, Higher School of Economics, Russian Federation, yzaretsky@hse.ru, 0000-0002-3923-8775
Referee List (DOI 10.36253/fup_referee_list)
FUP Best Practice in Scholarly Publishing (DOI 10.36253/fup_best_practice)

Jurij Zareckij, *The Transfer-Translation-Localization of European Scientific Knowledge in Kopievsky's Textbooks*, © Author(s), CC BY 4.0, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6.27, in Svetlana Mengel, Laura Rossi (edited by), *Language and Education in Petrine Russia. Essays in Honour of Maria Cristina Bragone*, pp. 355-372, 2024, published by Firenze University Press, ISBN 979-12-215-0585-6, DOI 10.36253/979-12-215-0585-6

их языков, то в основном, считал Лейбниц, это должна быть латынь, хотя в России стоило бы также иметь «хорошие сочинения на немецком, английском, голландском, французском и итальянском языках» (Герье 2008, 649).

1.2 Перенос и перевод

Не вызывает сомнений, что многие из предложений знаменитого ученого, изложенные им в обоих записках, не были откровением для Петра. Во всяком случае, «перенос» научных знаний он стал осуществлять уже в самом начале своего царствования, приглашая в Россию «знающих людей» из европейских стран: инженеров, архитекторов, кораблестроителей, военных, мореплавателей. Не вызывает также сомнений, что молодой Петр прекрасно понимал и исключительную роль, которую должна сыграть печатная книга в строительстве новой России. Однако для достижения этой цели он считал первоочередной задачей не собрание обширной библиотеки на иностранных языках, а издание сочинений европейских ученых в русских переводах. Об этом свидетельствует книгоиздательская политика Петра, результатом которой стало появление на русском языке тысяч томов «ученых» книг разнообразной тематики¹. Очевидно, что при таком способе «переноса» важнейшим инструментом трансформаций культуры должен был стать письменный перевод.

1.3 Перевод и локализация

Точность перевода с одного языка на другой, как это известно большинству переводчиков, — понятие относительное, зависящее от конкретного контекста. Если речь идет о старых переводах, особенно выполненных до Нового времени, то нередко бывает даже трудно сказать, являются ли они переводами или вольными переложениями исходных текстов (Bassnett 1998). Однако гораздо реже мы обращаем внимание на то, что та же проблема актуальна и в наши дни. Свидетельством ее злободневности стало появление в конце 1990-х годов в теории перевода термина «локализация». Позднее он превратился в понятие, хорошо знакомое сегодня профессиональным переводчикам, особенно работающим в сфере IT и глобальной экономики (Apter 2001; Cronin 2003).

В теоретическом контексте появление нового понятия стало результатом признания влиятельной группой лингвистов принципиальной невозможности абсолютно точного перевода с одного языка на другой. Во-первых, из-за того, что перевод адресован аудитории, находящейся в иной языковой ситуации / среде, вследствие чего априори должен отличаться от оригинала. Во-вторых, из-за того, что основополагающие принципы перевода исторически и куль-

¹ Обозначение «русский язык» здесь и дальше в статье достаточно условно, поскольку его стандарта в то время не существовало и язык Московской Руси называли по-разному.

турно изменчивы². То есть искать какой-то универсальный инвариантный способ его осуществления бесперспективно. Результатом признания неизбежной неточности перевода стало смещение внимания лингвистов с исходного текста, воспроизводимого на другом языке, на конечную цель и назначение перевода, то есть на его потребителя.

Некоторые исследователи, впрочем, считают, что понятие «локализация» избыточно, поскольку в широком смысле «перевод» принципиально не отвергает возможность отступлений от исходного текста. В ответ на этот аргумент их оппоненты делают акцент на различиях между обоими. «Перевод», говорят они, означает процесс преобразования текста для получения его точного эквивалента в другом языке. При этом главной целью такого преобразования является сохранение исходных значений. «Локализация» же подразумевает сочетание языковой эквивалентности нового текста с культурными отличиями аудитории. Тем самым они подчеркивают, что прямой перевод с одного языка на другой далеко не всегда ведет к уяснению адресатом содержания исходного текста.

В связи с появлением этого нового понятия и дискуссиями вокруг него возникает вопрос, непосредственно относящийся к теме этой статьи: не лучше/точнее ли будет говорить о процессе «локализации» для уяснения механизма «переноса» европейского научного знания в учебных изданиях петровского времени? Ведь свою первоочередную задачу в деле просвещения подданных Петр видел как раз в издании иностранной научной литературы на русском языке.

2. Первый издательский проект Петра

Петр сначала решил печатать русские научные книги в Голландии, находясь там во время Великого посольства³. Как он разъяснял цель этого издательского проекта в своем указе, «ко общей народной пользе и прибытку, и ко обучению всяких художеств и ведению» (*ПСЗРИ* 1830 4, 6). Формальным исполнителем этого замысла он назначил купца Яна Тессинга, предоставив ему монополию на продажу русских книг в России. Поскольку необходимых знаний для создания русской типографии, а также составления, перевода и печатания русских книг у Тессинга не было, ему пришлось привлечь к новому делу Илью Федоровича Копиевского (Копиевича). Это был выходец из земель Великого княжества Литовского, который обучал в то время в Амстердаме

² Начало принципиального расширения смысловых рамок теории перевода обычно относят к концу 1980-х годов и связывают с влиянием постколониальных и культур-антропологических исследований. В связи с этой тенденцией лингвисты говорят о «культурном повороте» в теории перевода, начало которого они связывают с выходом сборника статей *Translation, history, and culture* под редакцией Сьюзен Басснетт и Андре Лефевра (Bassnett and Lefevere 1990).

³ См. новые работы об этом издательском проекте Петра: Vragone 2007; Зарецкий 2020, Зарецкий 2021b.

русских дворян и волонтеров разным «искусствам». Будучи неплохо образован, а также свободно владея несколькими языками (церковнославянским, западнорусским, разговорным «московским», латынью, голландским и польским, а также в какой-то мере немецким и древнегреческим), он стал главным действующим лицом в создании целой серии первых русских «ученых» книг⁴. Меньше чем за полтора года им было составлено, переведено и издано в типографии Тессинга семь небольших по объему учебников по разным областям знаний. Затем, уже после разрыва с Тессингом, Копиевский продолжил свою издательскую деятельность, напечатав сначала еще три книги в Амстердаме, а затем последнюю, одиннадцатую по счету, в пригороде Гданьска Штольценберге (Зарецкий 2022b).

3. Стратегии Копиевского

Очевидно, что переложение Копиевским на «русский диалект» европейских научных знаний было делом очень непростым. Ему приходилось не только искать русские эквиваленты иностранных ученых слов, принимать решения относительно лексико-грамматических и стилистических норм, но и самостоятельно истолковывать смыслы иноязычных терминов и понятий для переноса их в иноязычную и инокультурную среду. Помимо этого, чтобы сочинения европейцев были не только поняты его читателями, но и приняты ими, ему приходилось активно вмешиваться в содержание исходных текстов: сокращать, включать добавления от себя и даже частично изменять их содержание. То есть, создавая русские учебные книги, Копиевский выступал не только — и даже не столько — как переводчик в современном смысле слова, сколько как толкователь, компилятор, редактор и автор, причем эти его роли часто невозможно разделить. И объясняются эти его вольности в отношении исходных текстов не только переводческими традициями того времени. Главная задача Копиевского состояла в том, чтобы европейские знания соответствовали «горизонту ожиданий» российских читателей помимо научного еще и в общекультурном смысле⁵. Или, если употребить используемое в этой работе в качестве рабочего инструмента понятие, их следовало «локализовать».

3.1 Расположение читателей

Как человек, выросший в мультикультурном и мультиконфессиональном Великом княжестве Литовском и имевший опыт жизни в Московии, Копиев-

⁴ Биографические сведения о Копиевском см.: Пекарский 1862; Быкова 1958, 318-41; Nowak 1970; Лісейчыкаў и Иванова 2020; Зарецкий 2021c.

⁵ Здесь и дальше имеется в виду «Erwartungshorizont» – понятие, разработанное Х.Р. Яуссом (Hans Robert Jauss, 1921–1997) для обозначения отношений а) читателя к содержанию сочинения до его прочтения (например, когда он держит в руках книгу, но еще ее не открыл) и б) автора к воображаемому читателю в ходе работы над своим текстом (Яусс 1994).

ский не мог не понимать, что составленные и изданные им книги могут быть встречены многими их читателями настороженно или даже враждебно. Тем более, что, как значилось на их титульных листах, они печатались не в Москве и даже не в Киеве, а в каком-то мало кому известном «Амстеродаме». Еще лучше он, конечно, понимал, что они должны быть благосклонно приняты Петром I, их главными заказчиком.

Именно поэтому он начинает свои книги с увещаний о том, что они являются «правильными» по содержанию, то есть безупречными с вероисповедной точки зрения. Настойчивые повторения этих увещаний обычно содержатся в их введениях, названия которых повторяют традиционные формулы предисловий богослужбных книг Московского печатного двора: «Читателю благочестивому и благоразумному в Господе радоваться, здравствовать и умудряться»; «Читателю благочестивому в Боге радоваться и здравствовать»; «Читателю благочестивому и благоразумному в Господе радоваться, здравствовать же и умудряться» (Копиевский 1699а; Копиевский 1699b; Копиевский 1699с; Лев VI 1700)⁶.

При этом Копиевский на разные лады повторяет, что обращается он именно к православному читателю. Почему-то особенно настойчиво — в предисловии к пособию по мореплаванию Дегафа: «Сие же известно ти буди, православный читателю [...]», «Веждь о сем, всяк православный читателю [...]», «Благоизволишь ли, православный читателю [...]», «Благоизволит ли, православный читателю, вникнуть в сию книгу: обрящеши в ней пречудныя дела Божия [...]», «Веждь же о сем, всякий православный читателю, яко сия книга полезна есть к обучению и желаемому благоискусству [...]» (Деграф 1701). Что касается его собственной конфессиональной принадлежности, то во всех случаях о ней он благоразумно умалчивает, ограничиваясь лишь заверением читателей, что верует в единого с ними Бога: «И тако избрахом помощию всемогущаго Господа Бога нашего [...]», «помощию всемогущаго Господа Бога нашего», «[...] благоугодно Господем нашим Иисус Христом» (Копиевский 1699а).

Еще один прием, используемый Копиевским для расположения читателей — это прославление «славянороссийского народа». В предисловии к учебнику всемирной истории он заявляет, что не стал бы писать свою книгу «варварскому какову народу». К славянороссийскому же обращается без всяких колебаний, поскольку тот не только не принадлежит к числу варварских, но даже «по благодати Духа Святаго» превосходит прославленные европейские своими нравственными качествами. Для сравнения он приводит здесь пример итальянцев и французов: «Славнии италиане, французы, но точию в своей земли, за рубежем — варвари тщеславнии. Славянороссийский же народ славный, не тщеславный, смиреномудренно держится» (Копиевский 1699а).

⁶ Здесь и дальше цитаты из книг Копиевского вследствие их часто ошибочной пагинации даются без указания страниц.

3.2 Сокращение

Копиевский тоже не мог не понимать, что читателями его книг не будут поняты и приняты полные дословные переводы пространных сочинений иностранцев. К тому же у него не было времени — и, вероятно, достаточных знаний, — чтобы такие переводы подготовить. Поэтому свою задачу он свел к радикальному сокращению исходных текстов и донесению до «славяно-русского народа» только их основного содержания. В итоге его книги часто становились краткими пересказами и/или компиляциями, за которыми оригинальные сочинения сегодня едва угадываются.

Показательным примером в данном случае является *Введение краткое*, где изложение всемирной истории вместе с географическим описанием Земли и толкованием исторических понятий укладывается меньше чем в семьдесят страниц⁷. Другой пример — перевод/пересказ книги о воинском искусстве (Лев VI 1700). В латинском издании трактат византийского императора включает 20 глав, тогда как в русском их 14, к тому же содержание некоторых передано в сильно сокращенном виде (Bragone 1996: 10–4). В итоге текст Копиевского получился примерно в 20 раз короче латинского оригинала⁸. То же самое можно сказать и о сочинениях, включенных в стостраничное приложение к труду Льва VI (*Синопис вторая или краткое собрание с книги Старовольского и от разных летописцев, и многих царей, князей, и храбрых гетманов и воинов о деле воинственном, в притчах списано [...]*), русский текст здесь как минимум в пять раз меньше латинского оригинала Старовольского (Starowolski 1640). Не является в данном случае исключением и *Книга учащая морского плавания*: переложение Копиевским на русский язык содержания семисотстраничного труда голландского математика заняло в ней меньше 150 страниц (Деграф 1701; De Graaf 1658).

3.3 Упрощение

Очевидно, что следствием таких существенных сокращений исходных текстов становилось упрощение их содержания. В некоторых случаях, впрочем, особенно когда Копиевский обращал книгу к юным читателям, об этом упрощении он объявлял во всеуслышанье. В частности, в предисловии к учебнику арифметики, представлявшему читателям на тринадцати страницах ряд натуральных чисел и четыре основных арифметических действия вместе с примерами. Здесь прямо сказано, что поскольку книга обращена к детям, в ней содержатся лишь азбучные знания, необходимые для самых простых вычислений: «[...] в ней же списано есть пять частей правильных арифметических или

⁷ При подготовке этого учебника Копиевский явно заимствовал сведения из нескольких латинских сочинений, однако выяснить, каких именно, можно только очень приблизительно (Зарецкий 2022а, 19).

⁸ В отличие от других, эта книга Копиевского включает ссылку на конкретное издание, которым он пользовался – латинский перевод греческого оригинала с посвящением Джона Чека (John Cheke) английскому королю Генриху VIII (Leo VI 1554).

счотных, ащеже и кратко, но внятно, откровенно и совершенно, яко и малое отроча скоро познает и увестъ всяк счот удобее помощью Божию» (Копиевский 1699b). Из другого заявления в конце учебника, сделанного Копиевским после представления арифметических действий, также следует, что его книжица предназначена для детей и содержит лишь самые элементарные сведения: «Сищеже чрез все числа преити может отроча в кратце и совершенно познает основание твердое» (Копиевский 1699b).

3.4 «Улучшение»

Стремясь к тому, чтобы его книги были благосклонно приняты «славянороссийским народом», Копиевский включает в свои перепеводы-пересесказы-компиляции также собственные добавления, «улучшающие» исходные тексты. Задача этих добавлений состояла в том, чтобы максимально приблизить содержание трудов европейских ученых к «горизонту ожиданий» русских читателей. Одним из наиболее выразительных примеров здесь является вставка в учебник всемирной истории, где ради создания образа Руси как древнейшего и величайшего государства, он обращается к библейским сюжетам. В разделе «Славнейшие реки восточные» Копиевский сначала, следуя распространенному в его время представлению, соотносит название Москвы-реки с именем «праотца российского» Мосоха, после чего неожиданно уподобляет территорию Российского государства новому Раю: «Сие же три реки, Днепр, Москва и Дзвина, от единого изшедши (аки из Едема) места, разыдошася на три начала по образу райскому» (Копиевский 1699a). После этого он призывает читателя обратить на это подобие сугубое внимание («Иже чтет да разумеет, где мудрость есть, иже имать ум») и заканчивает заверением, что над «славянороссийским народом» «искони сияет благодать Вседержителя Господа Бога нашего, аки над вторым Парадызом [...]» (Копиевский 1699a). Очевидно, что это неожиданное отступление в тексте учебника, представляющего традиционный для европейской историографии «западноцентричный» рассказ о всемирной истории, должно было компенсировать отсутствие в нем не только каких-то сведений о далеком прошлом российского государства, но даже упоминаний о нем.

Схожее по своей сути «улучшение» Копиевский вносит и в *Краткое собрание Льва Миротворца* (Лев VI 1700). В этом случае он добавляет в свой перевод главку «О народе славянороссийском» (разумеется, отсутствующую в сочинении византийского императора), где Льву VI приписывает слова, этот народ превозносящие: «Славянороссийский народ в велие множество возрасте, народ крепкий и можный, его же отец мой Василий кесарь греческий, помощью Божию, святым крещением просвети [sic] и властители по обычаю своему им устави. Сии славяне древних лет великое разорение делаша в земли греческой» (Лев VI 1700). Примечательно, что это добавление Копиевский не считает отклонением от точности своего перевода. Во всяком случае, на титульном листе книги он во всеуслышанье заявляет, что в ней сочинение византийского императора «от латинского языка на славяно российский достоверне преведено» (Лев VI 1700).

4. Конкретные примеры и приемы

4.1 Элементарные знания

Разумеется, Копиевскому не требовалось добиваться расположения читателей к содержанию книг научно-технического характера. В этом случае его задача состояла исключительно в том, чтобы в сокращенном и упрощенном виде донести до них основы европейских наук. Поскольку основная трудность здесь заключалась в отличиях специальных символов и терминов, принятых в России и Европе, свои главные усилия он направил на установление соответствий между ними. Эта задача упрощалась тем, что многие из них, особенно наиболее употребимые (преимущественно арифметические, астрономические, геометрические и землемерные), были известны его читателям из рукописных книг⁹. Сложнее обстояло дело с обозначениями узкоспециальными. В этих случаях Копиевскому нередко приходилось самому изобретать их русские эквиваленты и давать им собственные истолкования.

4.1.1 Числа

Самые элементарные соответствия европейских и российских символов Копиевский дает в *Арифметике*, представляя арабские и римские числа в соотношении с их буквенными славянскими обозначениями. Сначала он приводит здесь ряд арабских цифр с их названиями на русском языке, затем — тот же ряд параллельно со славянскими буквенными обозначениями, наконец — ряд римских цифр, снова параллельно со славянскими. В последнем случае Копиевский делает примечательное добавление общеобразовательного характера. Римские цифры, разъясняет он своим юным читателям, применяются в ученых книгах европейцев — «... книжных числ всяя Европы римских» (Копиевский 1699b).

Очевидно, что все три обозначения цифрового ряда были известны русским книжникам второй половины XVII века (Брагоне 2012, 78–9). Однако их наглядное представление в виде таблиц с безыскусными пояснениями помогало закрепить в памяти учеников соотношение славянской системы счета с принятыми в Европе. Эту же дидактическую цель преследовала и бесхитростная рекомендация Копиевского использовать при счете пальцы на обеих руках, не забывая, как в этом случае нужно обозначить ноль: «Всякое число по единому перст знаменует, оник с первым десятой перст изобразует» (Копиевский 1699b).

Малознакомые русским читателям имена, названия и термины Копиевский употребляет здесь только в редких случаях, приводя следом их славянские си-

⁹ О математических и естественнонаучных знаниях на Руси в целом см.: Естественнонаучные представления Древней Руси 1988, Симонов 2007; 2023. О языковом аспекте переноса иноязычных терминов и понятий на рубеже XVII и XVIII столетий: Кутина 1964, 1966. Примеры использования физико-математической терминологии в русских рукописях XVII века см.: Бобынин 1886, 1893.

нонимы и трактовки. Например, для мало кому понятного словосочетания «стол Пифагорев» он приводит синоним «лествица умножения перстов» (т. е. таблица умножения) (Копиевский 1699b). Как отмечает в этой связи современная исследовательница, такое использование иностранных обозначений Копиевским свидетельствует о его желании «с одной стороны, дать школьникам разные названия терминов, познакомить с западной традицией, с другой стороны, сделать текст понятнее, адаптировать его именно для русского читателя, ученика...» (Крюк 2015, 127).

4.1.2 Летоисчисление и календарь

В ходе сближения России с Европой, стремительно ускорившегося в конце XVII века, немаловажным в практическом отношении было разъяснение читателям расхождений между русским календарем и календарями европейцев. Это разъяснение далось Копиевскому непросто в силу как давней и запутанной истории способов и порядка исчисления времени, так и причин возникновения этих расхождений. Однако очевидная актуальность задачи, судя по всему, не оставляла ему выбора.

В предисловии к учебнику всемирной истории он говорит о двух системах летоисчисления, хорошо известных русским читателям: «исторического» (от рождения Христова) и «еврейского» (от сотворения мира). И дальше разъясняет, что от рождения Христова между российским и европейским счетом времени (т. е. Юлианским и Григорианским календарями) по годам различия отсутствуют: «вся вселенная в летописание соглашается». (Копиевский 1699a). Однако не ограничиваясь этими лапидарными сведениями, он считает необходимым путанно и с ошибками (якобы у римлян год некогда составлял восемь месяцев) разъяснить, как сложилось это «согласие» календарей исторически. «Сие же описание времен историческое соглашается с российским сим образом. Егда от соединения престола и кесарства греческаго с римским изыимется на всяк год по четыре месяца, (имеяху бо римляне долгое время точию по осми месяцы лето) сочешши же греческия олимпиады и период или отворот и круг юлианов, толико тысящей лет соделает, колико и российский счет. И паки придавши греческому по четыре месяца на всякое лето от соединения с римляны до Рождества Христова толико лет соделает, колико и европская история или летописие» (Копиевский 1699a).

4.1.3 Меры длины

Многим читателям книг Копиевского было необходимо соотносить единицы измерения длины, принятые в Европе, с российскими в своей практической деятельности¹⁰. Решению этой задачи должен был помочь один из разделов географического обзора, помещенного в учебник всемирной исто-

¹⁰ О старых русских мерах длины см.: Романова 1975, 2017; Белобров 2021.

рии: «О помере земном еометрычном» (Копиевский 1699а). Содержание его автор представляет как «Помер земный, с летописцов изъяснейших зело полезный и по всей вселенней употребляемый» (Копиевский 1699а).

Сначала Копиевский знакомит здесь читателей с несколькими европейскими мерами длины (двумя немецкими милями, французской, польской и итальянской), затем приводит различия между ними и, наконец, дает их соотношение с русскими (верстой и шагом): «1. Миллиаре, сиречь миля немецкая великая, содержит в себе пять тысяч степеней, подвигов 40. Пять верст русских, 5000 степеней» и т.д. (Копиевский 1699а). В некоторых случаях к представлениям европейских мер и сравнениям их с русскими Копиевский добавляет пояснения исторического характера¹¹. Наконец им приводятся более мелкие европейские меры длины (локоть, стопа, ладонь, перст и др.), которые снова сопоставляются с русскими. В дополнение к представлению единиц измерений конца XVII века он делает историческое отступление, рассказывая о древнеримских миле и стадии, приводит их величины и сообщает о происхождении этих мер. Заканчивает же он этот раздел изображением земного круга с указанием длины его окружности и диаметра в милях.

4.2 Специальные знания

Однако, помимо этих элементарных сведений, Копиевскому приходилось представлять читателям и гораздо более сложный материал, требующий от них не только усвоения содержания специальных научно-технических терминов и понятий, но и умения практического использования новых знаний. Больше всего такого материала содержалось в пособии по мореплаванию Деграфа, по которому русским морякам следовало научиться определять местоположение корабля. Они должны были получить представление о работе со специальными навигационными приборами, овладеть методами геометрических измерений, познакомиться с основами космографии и географии, научиться осуществлять математические вычисления с помощью логарифмических таблиц и т.д. Малознакомые или вовсе неизвестные русским людям научные термины включали также учебник астрономии и два словаря («номенклатора») Копиевского, хотя их содержание не имело практического значения, сравнимого с пособием Деграфа (Копиевский 1699с; Копиевский 1700а; Копиевский 1700b). Да и научные лексемы встречались в них гораздо реже.

4.2.1 Пособие по мореплаванию

Сокращение и упрощение книги Деграфа Копиевским отнюдь не противоречило его задаче максимально точно и ясно переложить на русский язык ос-

¹¹ Напр.: «Леука (от греч. Λευκός) толико ж подвигов и степеней имеет, колико и миля французская. Беретжеся от греческаго слова леука, сиречь белая, понеже древних лет измерение делаша, во многих странах на пути белым камением покладаяще помер земли или дороги» (Копиевский 1699а).

новное содержание навигацкой науки. Этому требовал сам характер издания, предназначенного для использования в качестве практического руководства для мореплавателей (Деграф 1701). К тому же перевод/пересказ этого труда рецензировал Федор Головин, по распоряжению которого и готовилась его публикация¹². Больше того, мы знаем, что к этой работе Копиевскому пришлось возвращаться дважды, поскольку первый ее вариант, подготовленный в 1697 году, Головина не удовлетворил¹³. О том, что опубликованный перевод был повторным и улучшенным говорит и титульный лист книги, объявляющий о том, что он «совершенней перваго». Об этом же свидетельствует Копиевский в посвящении Головину в ее начале: «... совершенный... и во мнозе исправней писанья и пространней прибавивши».

В предисловии, представляющем читателям научное содержание книги, Копиевский объявляет, что помимо мудреных латинских терминов она включает и их истолкования. В частности, когда речь идет о небесном своде: «Всякого круга [небесного] имя Латинския литеры сказывают и толкование их совершенно изъясляет». Он также обращает внимание читателей на то, что после изложения содержания книги голландского ученого им добавлены его собственные разъяснения, относящиеся к наиболее трудным ее местам: «Труднейшыя имена и речения, к лучшему познанию, на концы сея книги положих». И по своему обыкновению не забывает добавить, что перевел труд голландца ясно и точно: «верне, внятно и вразумительно в переводе моем написах».

Очевидно, что переложение научно-технических сведений книги Деграфа на русский давалось Копиевскому очень непросто. Ему приходилось объяснять читателям много новых для них вещей: как осуществлять расчет отклонения компаса, определять направление движения по значению румба и географическую широту по солнцу или звездам, как применять градшток для измерения высот светил и т.д. Тем не менее, он убеждает их, что после прочтения этой книги они приобретут важнейшие знания и умения, необходимые мореплавателю: «вознесение солнца или звезды полуденное различными инструментами, сиречь посудами, может высмотрети; от них же первейшее место имать жезла астрономичный, сиречь лук, зовомый немецки Градбоген» и т.д.

Не ограничиваясь разъяснением существа этих практических знаний и умений, для закрепления теоретического материала Копиевский включает в раздел «Искушение или свидетельство Шыперское» 20 навигационных задач Деграфа с ответами. Наконец, в отдельном приложении, в точности перепе-

¹² Об этом сказано в начале книги в посвящении Головину: «Книга повелением Превосходительныя Велможности вашей государя нашего премилостивейшаго написана быть».

¹³ О работе Копиевского над этим переводом/пересказом см.: Зарецкий 2022с, 16–8. Примечательно, что в 1705 году книга Деграфа была повторно отправлена на рецензию, теперь в Москву («у математиков московских испытана»), и получила одобрение Петра (Зарецкий 2023, 184–86).

чатанном из голландского издания, он приводит логарифмические таблицы, необходимые штурманам для облегчения математических вычислений.

С точки зрения конкретной практики переноса знаний особенно показательны заключение и краткий толковый словарь, добавленные Копиевским в конце книги. В заключении он объявляет об огромной пользе, которую принесет сочинение Деграфа не только морякам и путешествующим по суше, но и вообще всем россиянам («дома сидящим»). И здесь же, демонстративно исправив ошибку, допущенную «неискусным» художником в изображении глобуса, в очередной раз подчеркивает свое стремление к точной передаче смыслов исходного текста¹⁴. В небольшом словарики, имеющем многообещающее заглавие «Толкования имен труднейших в сей книзе писанных, а не всякому знаемых», он приводит несколько русских синонимов латинских научных лексем, по его мнению, наиболее понятных русскому читателю: «инструменты — посуды», «экватор — верстатель», «зодиак — животворный круг», «горизонт — окоем» и т.д.

Не исключено, что такая навязчивая демонстрация стремления к точности перевода была здесь показной: хорошо помня, что предыдущая версия его перевода/пересказа была отвергнута Головиным, Копиевский просто хотел во всеуслышанье объявить, что эта лишена прежних недостатков.

4.2.2 Учебник астрономии

Без разъяснения специальных научных терминов и обозначений Копиевскому было не обойтись и в сорокастраничном учебнике астрономии, которому, как и другим своим книгам, он дал многообещающее название: «Уготовление и толкование ясное и зело изрядное, краснообразнаго поверстания кругов небесных» (Копиевский 1699с). Эти разъяснения содержатся здесь в специальном разделе «Толкование греческих и латинских слов или имен». Как и в других случаях, они по большей части незамысловаты и сводятся к подбору русских синонимов иноязычных лексем: «Глобус. Знаменуется: 1. круглость, 2. обод, 3. окружение неба и земли. Цыркулюос: круг всякий. Градус: степень, сей степень» и т. д.

Более сложную задачу Копиевскому пришлось решать при передаче на русском языке латинских названий созвездий в приложенной к учебнику небесной карте северного полушария. Сугубая важность «правильности» их русских обозначений диктовалась практическими потребностями: по этой карте читатели (прежде всего, путешественники, но не только) должны были легко найти эти созвездия на ночном небе.

«Изобретая» русские обозначения созвездий Копиевский использовал разные приемы. Одним из них была адаптация общепринятых латинских на-

¹⁴ «[...] Понеже художник и строитель сего изображения не искусный бе, поставил литеру Е, знаменующую Экватора, опричноно. Тоя литеры десятины все не принадлежат Глобусу. Паки трижды поставил по десяти [...]» (Деграф 1701).

званий к условиям жизни «славянороссийского народа». Так Волопаса (лат. *Boötes*) он превращает в «Медведника», справедливо полагая, что образ мужика-скомороха, ведущего на цепи медведя, хорошо известен его читателям («Боот или пастырь, который волю женет, но лучше наречется Медведником, есть убо деревенский мужик»)¹⁵.

В другом случае вместо прямого перевода восходящего к греческой мифологии и малоизвестного русскому читателю названия *Pegasus*, он обращается к сходству очертаний созвездия с летающим конем. Здесь он сначала дает транслитерированный оригинал соответствующего латинского словосочетания, а затем его русский перевод: «Еквус Алятус, есть Летающий Конь». А в описании созвездия Ориона Копиевский использует христианскую символику: три звезды в поясе древнегреческого охотника он соотносит с тремя царями, пришедшими к младенцу Христу: «Орион, великий ловец, который Быку сопротивляется; его же Псы последуют, пояс его суть три царие».

Впрочем, чаще всего при обозначении созвездий он поступает проще: сначала приводит русский перевод латинского названия и следом его транслитерированный оригинал (либо наоборот). Как, например, в случае с представлением созвездия Козерога: «Козел или Кожирожек, зовомый Каприкорнус».

4.2.3 Номенклатуры

Разного рода трудности переложения иноязычных лексем Копиевскому приходилось преодолевать и в двух номенклаторах (латинско-русско-немецком и латинско-русско-голландском), включавших одинаковый набор слов, по большей части не связанных с сугубо научной или технической лексикой (Копиевский 1700а; Копиевский 1700b). Однако специальные термины, в частности астрономические и особенно медицинские, в них все же встречались¹⁶.

Достаточно очевидно, что при истолковании латинских терминов он чаще всего руководствовался немецкой языковой традицией. Так, например, в разделе «О мире, стихиях и небеси» латинско-русско-немецкого номенклатора читаем: «Cometa, cometes / Комета, или метла на небеси / Stern mit einem Schwand» (Копиевский 1700а). То же самое и при переводе в этом же разделе латинского названия созвездия Большой Медведицы: «Ursa Major / Воз или колесница на небе / Der Wagen». Зависимость русского понятия от немецкого слова не вызывает сомнений и в разделе «О болезнях и немощах»: «Vertigo / Заворот главы / Schwindel»; «Cancer / Чырей, рак или волк / Krebs, oder fressend Wolff»; «Dysenteria / Кровная немощь / Die rote Ruhr

¹⁵ Впрочем, не исключено, что «Медведника» Копиевскому подсказало здесь немецкое обозначение этого созвездия (*Bärenhüter*), которое указывало на то, что оно находится вблизи Большой Медведицы.

¹⁶ Современный исследователь насчитывает в немецком номенклаторе Копиевского 319 статей, описывающих медицинские термины (Симоненко 2014, 150). Об этапах становления русской медицинской лексики в целом см.: Загрекова 2008.

oder blutgang». Как и в разделе «О изрядных мастерах» (т. е. об ученых), где астроном обозначается Копиевским путем дословного перевода с немецкого: «Astronomus / Учитель подвигов небесных / der von des Himmels lauff lehret».

5. Трудности перевода

Как мы видели, перенос европейских научных знаний в Россию был для Копиевского делом очень непростым, и его трудности имели не только языковую природу: он не мог переводить иностранные тексты слово в слово в принципе. Во-первых, потому что в русском языке многих из нужных для этого лексем просто не существовало; во-вторых, потому что при буквальном переводе труды иностранцев были бы не только не поняты «славянороссийским народом», но и не приняты им в силу культурных различий. В итоге ему пришлось прикладывать немалые усилия, чтобы сделать эти тексты «своими» для его читателей как по содержанию, так и по духу. Как эти его старания лучше обозначить? Назвать их переводом и/или компиляцией? Или здесь будет более подходящим понятие «локализация», о котором говорилось в начале статьи?

Историки прошлых лет, обращавшиеся к лингвистической стороне переноса научных знаний из Европы в Россию, понятие «локализация», разумеется, не использовали. Однако они не раз указывали, что перевод сочинений европейских ученых в петровское время встречал множество серьезных проблем, в частности, связанных с отсутствием в русском языке соответствующих научных понятий и терминов. С. М. Соловьев говорит в этой связи о «страшной трудности передачи научных понятий на языке народа, у которого до сих пор не было науки» (Соловьев 1984, 174). А П. П. Пекарский, продолжая ту же мысль, заявляет, что в России «переводить, при отсутствии грамматик и лексиконов и при малом знании иностранных языков, было не менее трудно, чем творить что-нибудь самостоятельное» (Пекарский 1873, 17). В качестве конкретного примера этих трудностей он ссылается на выразительное обращение академических переводчиков к читателям, открывающее *Краткое описание Комментариев Академии наук за 1728 год* (Краткое описание 1728)¹⁷. О чем идет речь в этом предисловии со вполне традиционным для русских печатных книг заголовком «Доброхотному российскому читателю радоваться»?

Рассуждая о трудностях перевода, его авторы сначала заявляли, что для передачи смысла какого-либо иностранного сочинения одного знания языка недостаточно: переводчику должна быть знакома еще та наука, о которой в нем говорится. К этому тезису, уже хорошо известному в петровское время, они добавляли, что, дабы перевод иностранного текста на русский язык был ясным и понятным («благоприятным»), от них требуются еще и дополнительные усилия. Посетовав таким образом читателю на свой нелегкий труд, они (очевидно, в подтверждение своих стараний) знакомили его дальше с

¹⁷ Поскольку пагинация в этом обращении отсутствует, цитаты из него даются дальше без указания страниц.

процедурой проверки качества переводов, принятой в Академии. Согласно ей сначала для работы над книгой выбирался переводчик, лучше других знакомый с ее предметом. Затем, во избежание «опасностей», его работа проходила установленную проверку: читалась вслух в присутствии других переводчиков. И только потом (скорее всего, после коллективного обсуждения и внесения поправок) отправлялась в печать.

Для лучшего понимания проблем академических переводчиков в это время особенно показательны их оправдания в конце этого обращения. Признавая, что русские переложения иноязычных сочинений бывают маловразумительными и не блещут стилем, они просят здесь «доброхотного читателя» потерпеть, пока они не приобретут больше опыта и пока русский язык науки не станет более совершенным.

Приведу в заключение эти оправдания целиком:

«Не сетуй же на перевод, якобы оный был невразумителен, или не весьма красен, ведати бо подобает, что весьма трудная есть вещь добре преводити, ибо не точию оба оные языки с котораго и на который переводится, совершенно знать надлежит, но и самыя преводимыя вещи ясное имети разумение.

Зде же по последней мере на сие смотрели, дабы оный яко вразумителен, тако и благоприятен был, ибо с таким прилежанием и опасностию в сем деле поступали, и всякому преводнику такая диссертация [рассуждения] преводить давали, о немже известно знали, что он вещь оную наилутче разумеет, к тому же и самый перевод в присутствии всех преводников читан и свидетельствован был. Ащели же предприятия опасности не благопоспешно учинилися, то сие токмо прибежище осталось, да тебе умолим, дабы слабости нашей до толе потерпети изволил, донеле же язык сам исправнее будет, и преводницы лутче обучатся» (Краткое описание 1728).

Источники

- Герье, Владимир И. 2008. *Лейбниц и его век: отношения Лейбница к России и Петру Великому*. СПб: Наука.
- Деграф, Авраам. 1701. *Книга учащая Морского Плаванья*. Амстердам: Печ. Авраам Бреман, 24 ноября.
- Копиевский, Илья Ф. 1699а. *Введение краткое во всякую историю по чину историчному от создания мира ясно и совершенно списанное*. Амстердам: Тип. Яна Тессинга, 10 апреля.
- Копиевский, Илья Ф. 1699б. *Краткое и полезное руковедение во арифметику*. Амстердам: Тип. Яна Тессинга, 15 апреля.
- Копиевский, Илья Ф. 1699с. *Уготовление и толкование ясное и зело изрядное, краснообразнаго поверстания кругов небесных*. Амстердам: Тип. Яна Тессинга.
- Копиевский, Илья Ф. 1700а. *Номенклятор, на русском, латинском и голландском языке*. Амстердам: Типография Яна Тессинга.
- Копиевский, Илья Ф. 1700б. *Номенклятор, на русском, латинском и немецком языке*. Амстердам: Типография Яна Тессинга.
- Краткое описание Комментариев Академии наук*. 1728. Часть первая. Напечатана в Санктпетербурге: При Академии наук.

- Лев VI Мудрый или Философ. 1700. *Краткое собрание показующее дел воинских обучение*. Амстердам: Тип. Яна Тессинга, 1 января.
- Лев VI. 2012. *Тактика Льва*. Перевод: Владимир В. Кучма. Санкт-Петербург: Алетейя.
- Лейбниц, Готфрид В. 1873. *Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому*. Издал В. И. Герье. Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук.
- ПСЗРИ 1830: *Полное собрание законов Российской империи*. Т. 4: 1700–1712. Санкт-Петербург: тип. II Отделения Собств. е. и. в. канцелярии.
- Симонов, Рэм А., ред. 1988. *Естественнонаучные представления Древней Руси: Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные книги». Астрология. Минералогия*. Москва: Наука.
- De Graaf, Abraham. 1658. *De seven boecken van de groote zeevaart, zynde een volkomen klare, en konstige beschrijvinghe der navigatie*. Amsterdam: P. Goos.
- Leo VI. 1554. *De bellico apparatu liber*. Basilea: Mich. Isingrinium.

Литература

- Белобров, Владимир А. 2021. *Традиционные русские меры длины*. Москва: Сам полиграфист (2-е изд.).
- Бобынин, Виктор В. 1886, 1893. *Очерки истории развития физико-математических знаний в России*. Т. 1–2: XVII столетие. Вып. 1–2. Москва: Ред. журн. «Физ.-мат. науки в их настоящем и прошедшем».
- Брагоне, Мария Кристина. 2012. «К истории русского Эзопа на рубеже XVII и XVIII веков.» В *Litterarum fructus: Сборник статей к 60-летию С. И. Николаева*, 75–87. Санкт-Петербург: Альянс-Архео.
- Быкова, Татьяна А. 1958. *Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689–январь 1725 г.* Москва: Издательство Академии наук.
- Загрекова, Елена Н. 2008. *Истоки и развитие российской медицинской терминологии: дис. ... канд. филол. наук*. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.
- Зарецкий, Юрий П. 2020. «Первая русская зарубежная типография: голландские книги для подданных Петра I.» *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре* 5: 257–70.
- Зарецкий, Юрий П. 2021а. «Переводчик Посольского приказа Илья Федорович Копиевский.» *Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия*. Вып. 2: 59–74. Москва: ИРИ РАН. <https://iriran.ru/node/2595>
- Зарецкий, Юрий П. 2021b. «Проект Петра Первого по изданию светских учебников: осуществление замысла.» *Quaestio Rossica* 4: 1411–24. DOI 10.15826/qr.2021.4.646: <https://qr.urfu.ru/ojs/index.php/qr/article/view/qr.646> (дата обращения: 25 апреля 2023 г.).
- Зарецкий, Юрий П. 2021с. «Илья Федорович Копиевский (Жизнь и судьба одного просветителя петровского времени).» *ВИАЛЮΘΙΚΑ: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies* 9: 32–68. DOI: (дата обращения: 2 июня 2024 г.– Л.Р.).
- Зарецкий, Юрий П. 2022а. «*Всякая история*» *Ильи Копиевского и ее российские читатели*. М.: НИУ ВШЭ. (Препринт): https://docs.google.com/viewer?url=https%3A%2F%2Fwp.hse.ru%2Fdata%2F2022%2F05%2F25%2F1814483940%2FWP19_2022_01_____.pdf (дата обращения: 25 апреля 2023 г.).

- Зарецкий, Юрий П. 2022b. “Первые русские печатные учебники.” *Вопросы образования* 2: 140–54. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-140-154>.
- Зарецкий, Юрий П. 2022c. “Составитель и издатель первых русских учебников Илья Копиевский (ок. 1651–1714). Неизвестные страницы биографии.” *История и архивы* 3: 12–28. <https://doi.org/10.28995/2658-6541-2022-3-12-28>.
- Зарецкий, Юрий П. 2023. “Новые сведения о жизни и деятельности Ильи Копиевского в Амстердаме.” *Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия* 3: 178–93. Москва: ИРИРАН. <https://iriran.ru/node/3133> (дата обращения: 25 апреля 2023 г.).
- Крюк, Екатерина К. 2015. “Краткое и полезное руковедение во арифметику Ильи Копиевского: языковые и композиционные особенности.” В *Beiträge zum 18. Arbeitstreffen der Europäischen Slavistischen Linguistik (Polyslav): 3–5 September 2014, Budapest* 120–27. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Кутина, Лидия Л. 1964. *Формирование языка русской науки (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века)*. Москва: Наука.
- Кутина, Лидия Л. 1966. *Формирование терминологии физики в России. Период предмоноскопский: первая треть XVIII века*. Москва: Наука.
- Лісейчыкаў, Дзiанiс, и Людмила Иванова. 2020. “Ад Капыля да Амстэрдама: сямейныя гісторыі Ілы Капіевіча.” *Беларускі гістарычны часопіс* 9: 3–12.
- Пекарский, Петр П. 1862. *Наука и литература в России при Петре Великом*. Т. 1. Санкт-Петербург: изд. Тов. «Общественная польза».
- Пекарский Петр П. 1873. *История императорской Академии наук в Петербурге*. Т. 2. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Романова, Галина Я. 1975. *Наименование мер длины в русском языке*. Москва: Наука.
- Романова, Галина Я. 2017. *Объяснительный словарь старинных русских мер*. Москва: Университет Дмитрия Пожарского.
- Симоненко, Анатолий Е. 2014. “Из ранней истории описания русской медицинской терминологии.” В *Филологические исследования: Сборник науч. работ*. Вып. 11. Филология и медицина, 133–69. Киев: Изд. дом Д. Бурого.
- Симонов, Рэм А. 2007. *Математическая и календарно-астрономическая мысль Древней Руси (по данным средневековой книжной культуры)*. Москва: Наука.
- Симонов, Рэм А. 2023. *Русская астрологическая книжность (XI первая четверть XVIII века)*. Москва: Ленанд (2-е изд.).
- Яусс, Ханс Роберт. 1994. “К проблеме диалогического понимания.” *Вопросы философии* 12: 97–106.
- Apter, Emily. 2001. “On Translation in a Global Market.” *Public Culture* 13: 1–12. <https://doi.org/10.1215/08992363-13-1-1>.
- Bassnett, Susan E. 1998. “When is a Translation not a Translation?” In *Constructing cultures: essays on literary translation*, edited by Susan E. Bassnett and André Lefevere, 25–40. Clevedon: Multilingual Matters.
- Bassnett, Susan, and André Lefevere, ed. 1990. *Translation, History and Culture*. London: Cassell.
- Bragone, Maria Cristina. 1996. “Osservazioni su una traduzione di età petrina dei *Tactica* di Leone VI il Saggio.” *Europa Orientalis* 2: 7–24.
- Bragone, Maria Cristina. 2007. “Петр поддерживает светское книгопечатание.” In *Days from the Reigns of Eighteenth-Century Russian Rulers, Proceedings of a Workshop, dedicated to the memory of Professor Lindsey Hughes, held at the Biblioteca di Storia Contemporanea ‘A. Oriani’, Ravenna, Italy, 12–13 September 2007, part I*, edited by A. Cross, 13–21. Cambridge: SGEER.

- Cronin, Michael. 2003. *Translation and Globalization*. London: Routledge.
- Nowak, Zbigniew. 1970. "Eliasz Kopijewicz, polski autor, tłumacz, wydawca i drukarz świeckich książek dla Rosji w epoce wczesnego oświecenia." *Libri Gedanenses* 2–3: 35–86.
- Starowolski, Szymon. 1640. *Institutorum rei militaris libri VIII*. Cracoviæ: Christophori Schedelii.